

Из сборника мы публикуем четыре текста (№№ 6, 7, 8, 9), представляющих собой произведения народной сатиры.

Первое из этих произведений — «Сказание о птицах». Публикуемый текст «Сказания» XVIII в. отличается большой полнотой. По своему составу и композиции он ближе к текстам, записанным в XIX в. П. Н. Рыбниковым и А. Гильфердингом, чем к текстам XVII—XVIII вв., помещенным в собрании песен М. Д. Чулкова и в приложении к исследованию Х. М. Лопарева «Древнерусские сказания о птицах» (СПб., 1896).

В тексте сборника Мордвинова очень мало птиц и животных, которых не было бы в других записях, но в то же время здесь встречаются почти все те названия, которые разбросаны по различным спискам.

Композиция публикуемого текста — очень четкая, цельная и последовательная. «Сказание о птицах» начинается со вступления, которое отсутствует в ранних записях и встречается в некоторых записях XIX—XX вв., но в более кратком, чем в нашем тексте, виде. Между тем это вступление является органической частью всего произведения, без него нельзя достаточно полно понять идейный смысл этой пародии на общественный строй.

«Сказание» начинается с изображения неколебимой последовательности смены одного времени года другим. Этому прочному порядку в природе «соответствует» порядок в жизни людей, общественный порядок: «Цари наши живут по царствам, короли живут по королевствам...» Но начав с царей и королей, вступление оканчивается «общественным положением» стариков и старых баб, которым «на печи было место». Таким образом, во вступлении используется сатирический прием снижения, который в главной части выступает в перенесении на птиц и зверей человеческих отношений. Этим самым высмеивается тот «незыблемый» порядок, который вначале сравнивался с закономерностью самой природы.

На общий сатирически-балагурный тон былины, говорящий «об участии в ее сложении скоморохов», справедливо указывала А. М. Астахова. Ее замечание подтверждается концовкой «Сказания о птицах»: «Когда люди станут обедать, калики по подоконью бегать, ох те мне не поспали, холодных щей не хлебали, горячих мы не застали, итак мы без ужины начевали». Здесь мы слышим намек на необходимость угощения, подаяния, в общем — платы за исполнение былины. Близкие по смыслу концовки мы находим и в некоторых других текстах данной былины.³ Эта просьба оплатить труд — еще одно подтверждение догадки, что перед нами — произведение, исполнявшееся скоморохами, народными артистами-профессионалами.

Особый интерес благодаря своему антикрепостническому содержанию представляет находящийся в составе нашего сборника рассказ «О трех сватах». Среди печатных сборников мы нашли только отрывок, который входит эпизодом в драму «Ездок и Коневал», или «Конь», опубликованный Н. Е. Ончуковым в его «Северных сказках» (СПб., 1908, стр. 474), а впоследствии в его же «Северных народных драмах» (1911 г.). В этом отрывке рассказывается, как мужик отдавал барину оброк и как лакей побил мужика, когда последний возвращался домой. Полностью отсутствуют в отрывке Н. Е. Ончукова вступление — встреча трех сватов, ожидание мужика перед воротами господского дома, тема — мужик и судья.

³ См., например: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. М.—Л., 1950, № 130; А. Астахова. Былины Севера, т. 2, № 155.